

ОТРАЖЕНИЕ-УБИЙЦА, ИЛИ САТИРИЧЕСКИЙ ПОТРЕТ
ТЕРРОРИЗМА

В «БЛЕДНОМ ОГНЕ» В.В.НАБОКОВА

В сложнейшем переплетении тем и мотивов, намеков и созвучий набоковского творчества мы встречаем ожидаемо сало обращений к тому, что нарушает благородное творческое одиночество личности – к социуму, и еще менее того – обращений к социуму, в которых прочитывались бы явные, узнаваемые черты того, что не входит в круг «набоковского» по определению – насилия, косности, тупости любой разрушительной силы – деспотизма, политиканства, терроризма... Персонажи, представляющие эти начала в набоковском мире – всегда абсурдны, не соотносимы с какой-то узнаваемой социальной, национально-исторической реальностью; отказываясь в данном случае признавать субстанциональность зла, Набоков с максимальной возможной изобретательностью играет с ними, систематически уничтожая – как в собственных глазах, так и в глазах своего читателя.

В «Бледном огне», этом в высшей степени странном романе, построенном как сложнейшее взаимодействие текста и комментария, реальности и вымысла, творческого воображения и бреда, представляющего собой воплощение «технического мастерства, ... юмора, восторга вдохновения, этюд жизни и смерти, разума и безумия, надежды и отчаяния, любви и одиночества, отчужденности и близости, доброты и эгоизма, творчества и паразитизма» (Б.Бойд¹), пара героев – поэт Шейд и его сумасшедший комментатор Кинбот – дополняется появлением третьего – террориста Градуса, в конце концов убивающего Шейда – творца поэмы «Бледный огонь», которую, в свою очередь, комментирует Кинбот – и это, якобы, именно он – бежавший из охваченной революцией страны Зембли король – был должен стать жертвой террориста – в одной из версий, всего

---

¹ Цит. по: Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. М., 2000.

лишь сумасшедшего Джека Грея, бежавшего из психушки и жаждущего убить засадившего его туда судью Гольдсворта – странного гибрида из имен английских поэтов Голдсмита и Вордсворта, на которого по случайности похож Шейд и в доме которого поселился Кинбот...

Переведем дух. Итак, Шейд – Кинбот – Градус...

В этом странном тройственном взаимодействии именно третья фигура – наиболее «лишняя»; не будь ее, сюжет до боли напоминал бы пушкинского «Соцарта и Сальери» (неважно, с реализованным или не реализованным замыслом убийства в финале). Появление в романе Градуса отчасти сродни «черному человеку» пушкинского Моцарта, с той разницей, что мерещится он не Шейду, а явно «сальерианскому» типу – Кинботу.

Первоначально, как некий намек, он появляется из страха Кинбота перед шайкой «трясущихся от страха революционеров, «неуклюже крадущихся убийц», которых он ждет, доводя себя почти до паранойи. В дальнейшем эти неясные «революционеры» материализуются до степени не менее туманных «Теней», «интипричуд» человеческого ума, парадоксально порожденных той же средой – только навыворот – что порождает роялистов и истинных героев. Однако «Тени» - и террорист Градус – несубстанциональны, как несубстанционально зло в нашем мире, не наделенное самостоятельной творческой силой. Именно это становится лейтмотивом характеристики Градуса – наиболее развернутой набоковской издевкой над терроризмом.

Если попытаться одним словом характеризовать отношение писателя к нему, то слово это – презрение. Омерзительна сама мысль о насильственном отъятии человеческой жизни (только если ты не защищаешь жизнь сына или свою собственную) – и в духе этой мысли характеристика Градуса строится как последовательное отрицание.

Отрицается личность – и вот персонаж словно растворяется в избытке имен: Йакоб Градус – Джек Дегри, Жак де Гре, Джеймс де Грей, «а в полицейских досье он фигурирует еще как Равус, Рэвентон и д'Аргюс», плюс

уже называвшийся Джек Грей и таинственный мастер зеркал Судар Бокай (тот же самый Йакоб Градус, только наоборот).

Отрицается деятельность (несубстанциональное зло не способно самостоятельно действовать в истинном – творческом – мире) – и Градус оказывается наделен целым «букетом» бессмысленных и бесполезных занятий: «изучал фармакологию в Цюрихе, затем объезжал туманные виноградники в качестве бродячего дегустатора вин», «служил рассыльным на большом и унылом предприятии, выделявавшем картонные коробки», устраивал «мелкую подрывную деятельность: печатанье бранчливых брошюр, исполнение курьерских поручений для малоизвестных синдикалистских групп, организация стачек на стеклянных заводах».

Отрицается идея – поэтому Градус неоднократно характеризуется как «механический человек», «пуританин», «скучная душа», нелюбовь которого к несправедливости и обману измеряется той мерой, что он «считал несправедливостью и обманом все, что превосходило его понимание» и страстно любимые им «общие места», ненавидел всех, кто знал слишком много, - ученых, писателей, математиков, кристаллографов – все радостное, блестящее и полное жизни.

Градус – принципиальный неудачник, и даже когда он идет на величайшее преступление – апофеоз его бессмысленной жизни – он окружен лишь отталкивающими деталями, да к тому же мучим поносом...

Так вместо грозной силы и рождаемого ею ужаса (того самого террора, являющегося истинной целью терроризма) перед нами появляется омерзительный тип, само движение которого принципиально несамостоятельно: «на протяжении всей поэмы следуя путем ее ритма, проезжая мимо на рифме, выскакивая за угол переноса, дыша с цезурой, слетая прыжками к подножию страницы со строки на строку, как с ветки на ветку, прячась меж двух слов,... возникая заново на горизонте новой песни, неуклонно приближаясь в ямбическом марше, пересекая улицы, поднимаясь с чемоданом на эскалаторе пятистопника, сходя с него, садясь в новый состав

мыслей, проникая в вестибюль гостиницы, гася лампу на ночном столике, меж тем как Шейд вычеркивает слово, и засыпая, когда поэт откладывает на ночь свое перо»

И возникает вопрос: почему поэма (роман) приводит Градуса в движение?

Исследователями Набокова высказывались на этот счет различные мнения: и то, что Градус – порождение Кинбота (настоящего убийцы Шейда), но с другой стороны, и Кинбот, в свою очередь, - порождение Шейда, который на самом деле не умер, а пишет этот полубезумный-полуиздевательский комментарий, «филологический кошмар» (по определению Б.Бойда), в котором то кристаллизуются, то вновь растворяются бессильные безумцы, силящиеся его уничтожить – Кинбот и Боткин, Градус и Джек Грей.

В любом случае, зло создается людьми и его «оплотнение» может в любой момент быть остановлено человеком – преодолевающим страх и способным к сотворению красоты.